Роль судебных доктрин в установлении и устранении пробелов в законодательстве

ИБРАГИМОВА Юлия Эмировна, младший научный сотрудник отдела судебной практики и правоприменения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Россия, 107078, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., 22/24

E-mail: ibragimova.j.e@gmail.com

В процессе правоприменения суды сталкиваются с наличием пробелов в законодательстве и по характеру своей деятельности не способны ждать их устранения законодателем. В подобных случаях суду приходится вырабатывать метод, базирующийся на достижениях теории права, имеющих отношение к применяемой норме, на основании установленных фактов посредством судебной интерпретации. Осуществляя данную деятельность, суд формирует судебную доктрину. Это сложное правовое явление, границы применения которого постоянно изменяются, а содержание обогащается. В процесс становления судебной доктрины включены многообразные факторы, одним из которых выступают доктринальные положения, а также идеи, содержащиеся в судебной практике. Автор ограничивает понятия судебной доктрины и правовой, отмечая, что правовая доктрина безусловно влияет на правоприменительный процесс, но вырабатывается вне стен суда научным сообществом. В свою очередь, судебная доктрина — это аргументированный подход суда к разрешению сложного дела, основанный в том числе на правовой доктрине. То есть судебная доктрина может обогащать правовую, и наоборот. Также проанализирована роль созданных при судах научно-консультативных советов, способствующих формированию судебной доктрины. Таким образом, формирование судебных доктрин — это деятельность судебных органов, направленная на применение норм законодательства в соответствии с целями его принятия и согласно принципам права обеспечивающая единообразие толкования и применения норм права, восполнение пробелов в законодательстве и осуществляемая с учетом авторитетного мнения научно-консультативных советов.

Ключевые слова: судебные доктрины, судебная практика, правоприменение, пробел в законодательстве.

Для цитирования: Ибрагимова Ю. Э. Роль судебных доктрин в установлении и устранении пробелов в законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 80—95. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.6

The Role of Judicial Doctrines in Establishing and Elimination of Gaps in Legislation

Yu. E. IBRAGIMOVA, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 107078, Russian Federation

E-mail: ibragimova.j.e@gmail.com

In the law enforcement process courts face gaps in legislation and, due to nature of their activities, are not able to wait for their removal by a legislator. At this rate, the court has to do a lot of work, develop a method based on the achievements of the theory of law, related to the applicable rule on the basis of established facts through judicial interpretation. Carrying out this activity, the court forms the judicial doctrine. Judicial doctrine is a complex legal phenomenon, which boundaries are constantly changing, and the content is enriched. Various factors are included in the process of formation of the judicial doctrine. Among them there are doctrinal provisions and ideas contained in judicial practice. The author distinguishes between the concept of judicial and legal doctrine, noting that legal doctrine certainly influences the law enforcement process, but is developed outside the court by the scientific community. In turn, the judicial doctrine is a reasoned approach of the court to the resolution of a

complex case, based, inter alia, on legal doctrine. Thus, judicial doctrine can enrich the legal one and vice versa.

The article also analyzes the role of Scientific Advisory Councils established at the courts to facilitate the formation of the judicial doctrine. The analysis shows that the formation of judicial doctrines is the activity of the judicial authorities, aimed at applying the norms of law in accordance with the objectives of its adoption, based on principles of law, ensuring uniformity of interpretation and application of the norms of law, filling gaps in legislation, taking into account the authoritative opinion of Scientific Advisory Councils.

Keywords: judicial doctrines, judicial practice, law enforcement, legal reasoning, legislative gap.

For citation: Ibragimova Yu. E. The Role of Judicial Doctrines in Establishing and Elimination of Gaps in Legislation. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 80—95. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.11.6

Принятие судом решения нередко сопряжено с трудностями в установлении объема прав и обязанностей сторон спора, наличия или отсутствия охраняемых законом частных и (или) публичных интересов, допустимости ограничения прав и свобод человека и т. д. Для разрешения подобных вопросов законодателем суду предоставляется свобода усмотрения в определении применимости отдельных оценочных понятий к конкретным правоотношениям исходя из обстоятельств дела. Суд, как известно, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, а приговор выносит, руководствуясь законом и совестью. Наиболее трудными делами в связи с этим являются дела, в рамках которых отсутствует применимая норма законодательства, невозможно установить единственно верный способ применения аналогии закона, а квалифицированное умолчание законодателя не подразумевается. Суд, не имеющий права отказать в правосудии, вынужден прибегать к различным методам юридического толкования и рассмотреть дело по существу, предложив убедительную мотивировку судебного акта, восполняющую пробел в законодательстве.

Английский правовед Дж. Раз о трудных в урегулировании спорах (unregulated disputes) писал: «Это дела, в которых существует несколько решений, которые открыты для судей и каждое из которых может быть законно в свете суще-

ствующих правовых норм, моральных принципов и ценностей»¹. Похожая мысль отражена в совместной статье Н. С. Бондаря и А. А. Джагаряна: «...но если суд — только “глашатай законодателя”, как ему быть с так называемыми трудными делами, когда законодательство либо допускает различные варианты правомерного решения, либо вообще не содержит специальных правил?»²

А. Н. Верещагин выделяет три причины «трудности дел»³:

1) «конфликт толкований», т. е. ситуация, в которой законодательство допускает различное толкование и суды принимают противоположные решения по одному вопросу;

2) «коллизия норм», т. е. существование двух и более противоречащих друг другу норм права, направленных на регулирование одних и тех же или смежных правоотношений;

¹ Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford; N. Y., 1979. P. 183.

² Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие как инструмент правовой модернизации на постсоветском пространстве: проблемы теории и практики. Рецензия-размышление по поводу книги: Селиванов А. А. Конституционные проблемы в современной теории права: доктрина стабильности и охраны Конституции Украины в контексте ее модернизации и эффективного конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 37.

³ См.: Верещагин А. Н. Судебное правосудие в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 77—78.

3) «пробелы в праве», т. е. полное или частичное отсутствие нормы права, необходимой для регламентации общественных отношений.

Зачастую для вынесения правосудного решения по таким трудным делам суд задействует различные методы юридического толкования, к которым российская юридическая наука в основном относит исторический, логический, системный (систематический), грамматический (филологический), телеологический и т. д.⁴ В специальной литературе отмечается, что толкование права, осуществляемое учеными-правоведами, является доктринальным.

Известна также проблема, что суды при вынесении решений в мотивировочной части судебного акта нередко делают следующую оговорку: «Позиция стороны основана на неверном толковании права». Однако затруднительно найти решение суда, в котором было бы конкретно указано, в чем заключается ошибка и какой метод толкования избрал суд⁵. Данная проблема объясняется отсутствием нормативного закрепления способов толкования, на которое суд мог бы сослаться. Но это не означает, что суд не задействует приведенные способы юридического толкования, поскольку даже без их упоминания можно из содержания судебного решения установить, когда суд выявляет совокупность прав и обязанностей исходя «из совокупности взаимосвязанных положений» отдельных норм права (системное толкование), когда он рассуждает о целях правового регулирования и применяет в качестве дополнитель-

ного средства мотивирования судебного акта принципы права (телеологическое толкование), когда устанавливает совокупность необходимых юридических фактов исходя из содержания нормы права как единства гипотезы, диспозиции и санкции (логическое толкование) и т. д. При этом судья, обладающий профессиональным правосознанием, руководствуется не только нормами права, но и догмой права, которой такое правосознание сформировано, например определяя среднюю меру наказания перед оценкой отягчающих и смягчающих вину обстоятельств перед назначением наказания в уголовном процессе либо устанавливая на этапе подготовки дела к рассмотрению факты активной и пассивной легитимации в гражданском и арбитражном процессе и т. д. Использование развернутой, убедительной мотивировки судебного решения было бы невозможно без привлечения инструментария юридической науки. Более того, наличие у судей, осуществляющих пересмотр судебных актов, ученых степеней, не является редкостью.

Судебные акты, которыми устранены конфликт толкований, коллизия норм права либо восполнен пробел в законодательстве, не только обеспечивают единообразие судебной практики, но и содержат готовое мотивированное объяснение причин принятия того или иного решения. Фактически создается универсальное урегулирование общественных отношений, которое может быть воспринято законодателем (имплементировано в законодательство)⁶.

Таким образом, судебные акты, на основе которых восполнен пробел в законодательстве, позволяют, во-первых, установить наличие ука-

⁴ Подробнее см.: *Хабриева Т. Я.* Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998; *Кажлаев С. А.* Способы универсализации правовых позиций Конституционным Судом РФ // *Государство и право*. 2008. № 1. С. 14—22.

⁵ См.: *Поляков С. Б.* Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // *Lex Russica*. 2015. № 3. С. 28—42.

⁶ Подробнее см.: *Лазарев В. В., Фурсов Д. А.* Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // *Журнал российского права*. 2014. № 11. С. 5—21.

занного пробела, а во-вторых, устранить его путем внесения изменений в законодательство.

Большую роль в этом процессе играет правовая доктрина, обогащающая судебную практику. Однако существование правовой доктрины немыслимо без анализа судебных решений, особенно принятых по «трудным» делам. Не только законодатель, но и юридическая наука воспринимает предлагаемые судами решения в области правового регулирования. Возможно, доктринальный анализ таких судебных актов — это один из способов выяснения возможности их имплементации в законодательство. Поскольку решения по «трудным» делам имеют ценность для правовой доктрины, можно утверждать, что они формируют доктринальные положения для юридической науки.

Понятие судебных доктрин. Понятие судебной доктрины законодательно не закреплено, но в судебных решениях можно встретить его упоминание⁷. Единый подход к понятию и формам судебной доктрины российскими правоведом не избран. Зачастую упоминания о судебной доктрине растворяются в текстах юридических статей и невозможно установить, что подразумевают под ними авторы: правовую доктрину, судебную практику или судебный прецедент.

Так, А. Н. Чашин, рассуждая о необоснованности отрицания в российской правовой системе нормативного содержания судебной практики, отмечает: «...настало время свести нормативные положения руководящих постановлений судов высшего звена судебной системы в единый акт. В качестве такого акта вполне уместно принять Государственную правовую доктрину РФ, отведя специальные разделы под систематизацию судебной прак-

тики». В итоге автор со ссылкой на Д. Ю. Любитенко делает вывод, что понятие «правовая доктрина» наполняется в отечественной юриспруденции новым значением «особой формы доктринального обобщения судебной практики»⁸. В сфере административного права А. Н. Чашин предлагает принять Административно-правовую доктрину РФ⁹.

Таким образом, под государственной (или судебной, исходя из названия статьи А. Н. Чашина) доктриной автор подразумевает некий документ, содержащий представленные в систематизированном виде нормативные положения, выработанные судебной практикой. Поскольку, в отличие от обзоров судебной практики, принимаемых Президиумом Верховного Суда РФ, указанные доктрины не являются сборниками практики толкования норм права, такие доктрины сотрут различия между правовой позицией суда и судебным прецедентом. По существу, такая доктрина будет представлять собой сборник прецедентов.

Действительно, понятия «судебная доктрина» и «судебный прецедент» имеют связь, но скорее связь содержания и формы. Использование ссылок на судебные доктрины свойственно системам права, основанным на прецеденте.

Судебный прецедент, как отметил П. А. Гук, должен отвечать следующим признакам: создается высшими судебными органами; требует определенной юридической процедуры; обладает свойством обязательности применения; подлежит официальному опубликованию¹⁰.

⁸ Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник (форма) права // Евразийская адвокатура. 2016. № 5(24). С. 70—78.

⁹ См.: Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник административного права России // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 18—20.

¹⁰ См.: Гук П. А. Судебный прецедент как источник права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

⁷ См., например, постановление КС РФ от 19 января 2017 г. № 1-П, определение КС РФ от 11 марта 2005 г. № 148-О.

Правовая, в том числе судебная, доктрина, как будет отмечено ниже, не обладает ни одним из названных признаков. Однако судебный прецедент содержит ссылки на правовую доктрину для обоснования своего решения.

Так, Апелляционный суд девятого округа США в решении по делу *Lenz v. Universal Music* установил возможность применения доктрины добросовестного использования (*fair use*), определяющей, когда охраняемое авторским правом произведение можно использовать без согласия правообладателя. Суд отметил, в частности, что судебная доктрина добровольного использования — «...это не пример оправданного законом нарушения, но определение правом случая правомерного использования охраняемого произведения»¹¹. Данная доктрина предполагает установление в каждом конкретном деле добросовестности поведения исходя из совокупности представленных суду фактов и доказательств, обеспечивая защиту добросовестных пользователей результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД) от необоснованного судебного преследования правообладателями.

Представленный пример заставляет задаться вопросами: почему доктрину добросовестного использования следует именовать судебной доктриной? Нужно ли разграничивать правовую доктрину и судебную доктрину?

Представляется, данные понятия подлежат разграничению. Правовая доктрина влияет на процесс правоприменения, однако вырабатывается вне стен суда научным сообществом. Судебная доктрина есть аргументированный подход суда к разрешению трудного дела, ос-

нованный в том числе на правовой доктрине. Судебная доктрина может обогащать правовую доктрину, а правовая доктрина — судебную. Эти два явления соотносятся как общее и частное и находятся в диалектическом единстве. В решении по делу *Lenz v. Universal Music* именно суд внедрил доктрину добросовестного использования в практику, что было основано на имеющейся в юридической литературе позиции множества ученых о недопустимости необоснованного судебного преследования добросовестных пользователей РИД. Вместе с тем именно судами при рассмотрении конкретных дел определяются пределы применения такой доктрины, в связи с чем она наполняется новым содержанием, конкретизируется, заполняя благодаря этому имевшийся правовой вакуум в отношениях правообладателя и пользователя РИД.

Поскольку судебная доктрина — это часть правовой доктрины, то и место судебной доктрины в системе источников права должно быть аналогичное.

В российской юридической литературе можно выделить три точки зрения на роль правовой доктрины для правоприменения: 1) доктрина не является источником права; 2) является вспомогательным источником права; 3) является первичным источником права¹².

Авторы, считающие доктрину источником права, утверждают, что правовая доктрина пронизывает всю правовую систему и механизм правового регулирования, наполняя его новым содержанием, формируя правосознание. Также правовая доктрина имеет регулятивный характер и юридическое значение, когда

¹¹ *Lenz v. Universal Music Corp.*, no. 13-16106 (9th Cir. 2015). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/13-16106/13-16106-2015-09-14.html> (дата обращения: 25.04.2019).

¹² Обзор взглядов по этому вопросу см.: Ковалева Л. А. Место доктрины в системе источников права // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3(4). С. 82—83.

является частью правового сознания субъекта¹³.

Правовая доктрина, как утверждает А. А. Зозуля, «представляет собой общеправовую категорию, интегрирующую совокупность юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, в рамках которых разрабатываются и обосновываются юридико-познавательные формы познания права и правовых явлений, принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы понимания и толкования позитивного права: его источников, системы, структуры, действия и применения, нарушения и восстановления»¹⁴. По мнению С. В. Бошно, правовая доктрина используется для определения следующих явлений: «учение, философско-правовая теория; мнения ученых-юристов по тем или иным вопросам правотворчества и правоприменения; научные труды наиболее авторитетных исследователей в области государства и права»¹⁵; аналогичных воззрений придерживается С. В. Батурина¹⁶.

Х. И. Гаджиев справедливо отмечает: достоинства доктрины проявляются на практике, которая при необходимости трансформирует ее, отказывается от нее или создает новую¹⁷. Таким образом, правовая доктрина интегрируется в правоприменительный процесс, где судьи создают дальнейшие условия для ее

развития, наполняя ее судебным авторитетом, благодаря чему правовая доктрина приобретает новый смысл и преобразуется в правовой инструмент, способствующий оперативному восполнению пробелов в правовом регулировании и разрешению конкретных задач, стоящих перед органами судебной власти, деятельность которых с уверенностью набирает силы.

В настоящее время место и роль суда и судебной практики радикально иные, чем в советский период истории России. Они возросли многократно, обретя независимость и беспристрастность¹⁸.

Как отмечает В. В. Гребенников и Л. Ю. Грудцына, неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законодательстве и имманентной неопределенностью и многозначностью большинства норм законодательства, а также невозможностью отказа в правосудии при отсутствии четкой позитивной нормы, применимой к спору¹⁹.

Действительно, по характеру своей деятельности суды не в состоянии ждать устранения пробелов законодателем. В таком случае суду приходится проделать существенную работу, выработать метод, основанный на достижениях теории права, имеющих отношение к применяемой норме на основании установленных фактов посредством судебной интерпретации. Согласно исследованиям С. В. Бошно, 94,1% судей различных инстанций также считают, что судебное правотворчество влияет на развитие законо-

¹³ См. также: Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

¹⁴ Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.

¹⁵ Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 71.

¹⁶ См.: Батурина С. В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 9.

¹⁷ См.: Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 16.

¹⁸ См.: Лазарев В. В. Судебная практика: прогнозное видение (вместо заключения) // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017. С. 419.

¹⁹ См.: Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Будущее прецедентного права России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 100.

дательства, из них 48,9% опрошенных считают, что это влияние значительно и имеет прямой, непосредственный характер²⁰.

Законодатель может использовать выработанную судебную доктрину и дать ей дальнейшее развитие и закрепление в норме права. М. В. Залоило, Н. А. Власенко, Т. Э. Шуберт отмечают: «Анализируя разнообразный опыт правоприменения, суд формулирует собственный вариант нормативного решения, который и предписывает в разъяснениях другим судам и который разработчики закона учитывают при создании проекта нового закона. Судебная практика нередко служит образцом последующего законодательного решения правовых проблем через совокупность индивидуальных решений, обобщенных и проанализированных высшей судебной инстанцией»²¹. Однако не каждая судебная доктрина может найти отражение в законодательстве. Этого зачастую и не требуется. Судебная доктрина играет роль ориентира, ее существование подтверждается судебной практикой.

В связи с этим справедливым является мнение Е. В. Тарибо, который считает, что судебную доктрину имеет смысл рассматривать в качестве универсального подхода, принципа, которым пользуются суды при разбирательстве дел определенной категории²². Судебная доктрина

также способна облегчить правоприменение, избавив его от экспансии законодательного регулирования²³.

На основании изложенного наиболее верным нам представляется следующее определение: *судебная доктрина* — это основанная на правовой доктрине, развиваемая судом, существующая независимо от законодательного закрепления, но не противоречащая действующему законодательству совокупность идей, нашедших отражение в судебных решениях, предоставляющая суду ориентиры при разрешении дел, предполагающих судебное усмотрение и восполнение пробелов в законодательстве, обогащающая правовую доктрину.

Формирование судебных доктрин. Судебные акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ официально не могут быть самостоятельными источниками права. Вместе с тем в литературе отмечается возросшая роль судебной практики в системе правового регулирования России, а также вариации правовых систем, содержащие черты и континентального, и англо-американского права, которые ранее были несовместимы²⁴. Процесс глобализации приводит к появлению правотворчества в разнообразных формах²⁵. Нехарактерная ранее для континентальной правовой системы высокая роль судебной практики в условиях усиливающихся процессов конвергенции²⁶ в настоящее время становится обыденной для современного права России.

²⁰ См.: Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4. С. 77.

²¹ Залоило М. В., Власенко Н. А., Шуберт Т. Э. Понятие, формы и содержание судебной практики // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017. С. 97.

²² См.: Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2. С. 10—17.

²³ См.: Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 16.

²⁴ См.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 421.

²⁵ См.: Малюшин А. А. Изменение роли судебной практики в условиях правовой глобализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 27—32.

²⁶ Подробнее см.: Оксамытный В. В. Становление новой правовой системы // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017. С. 26.

Таким образом, судебные решения КС РФ и ВС РФ имеют порой определяющее значение в процессе разрешения споров и устранении пробелов в законодательстве.

Так, М. В. Баглай считает, что КС РФ «при толковании конституционных норм и формулировании правовых позиций развивает законодательство и дополняет действующие источники конституционного права. В связи с этим постановления Конституционного Суда РФ являются источниками права»²⁷. По мнению Л. В. Лазарева, содержащиеся правовые позиции КС РФ относительно конкретного акта или нормы являются «образцом (правилом), которым должны руководствоваться законодательные, судебные и иные органы, должностные лица при решении вопросов в рамках своей компетенции применительно к аналогичным по содержанию актам, нормам»²⁸. Ссылки на постановления КС РФ содержатся и в постановлениях Пленума ВС РФ, суды применяют их непосредственно при рассмотрении конкретных дел. Правовые позиции КС РФ применяются также в постановлениях конституционных (уставных) судов субъектов РФ и протестах прокуроров²⁹. Таким образом, можно утверждать, что решения КС РФ занимают особое место в российской правовой системе и имеют обязательный характер для всех правоприменителей на всей территории Российской Федерации.

Также в науке ведется дискуссия о роли и месте решений ВС РФ. Согласно Конституции РФ (ст. 126) на

ВС РФ возложена функция осуществления судебного надзора за деятельностью нижестоящих судов и дачи разъяснений по вопросам судебной практики. Такого рода разъяснения обычно оформляются как постановления Пленума. Как справедливо отмечает В. А. Анишина, каждое из постановлений Пленума содержит «новый подход к разрешению каких-либо правовых споров, новое содержание в понимании действующих нормативных предписаний, преломленное через призму судебного усмотрения, и подавляющее большинство правоположений, сформулированных в таких постановлениях, востребовано не только судами, а нередко и законодателем в его правотворческой деятельности»³⁰. Правовое положение, содержащееся в постановлении Пленума ВС РФ — это итог обобщения рассмотренных судебных дел по определенной категории, где содержится толкование, разъяснение действующего законодательства для обеспечения его единообразного применения судами, формулируются правовые правила в случае установления пробела в законе для его восполнения³¹.

Помимо постановлений Пленума, ВС РФ утверждает обзоры Президиума. Обзоры содержат основные выводы, сделанные Президиумом ВС РФ, судебными коллегиями ВС РФ, а также нижестоящими судами по конкретным делам. Эти выводы предлагаются Судом в качестве универсальных. Обзоры ВС РФ основаны на конкретных делах, а также содержат отсылку к ним. В отличие от постановления обзор представ-

²⁷ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 139, 192.

²⁸ Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 8.

²⁹ См.: Митюков М. А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 16—17.

³⁰ Анишина В. И., Гук П. А. Правовые основы судебной власти в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2015. С. 207—208.

³¹ См.: Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 62, 127.

ляет собой результат более глубокого теоретического обобщения и обработки всего массива судебной практики в отдельно взятом направлении³². Обзоры и постановления являются юридическими актами ВС РФ. Соответственно, их роль направлена на выполнение основной цели Суда — осуществление правосудия. Поэтому справедливо утверждать, что главная, хотя и не единственная, функция обзоров и постановлений — обеспечить единообразное и правильное применение судами законов и подзаконных нормативных актов³³. При возникновении пробела, как отмечает М. В. Кучин, суды используют сформулированное в обзоре правило, поскольку оно, с одной стороны, «регулирует отношение, не урегулированное иными нормами права, а с другой — оно будет в обязательном порядке применяться всякий раз при возникновении аналогичной ситуации»³⁴.

Из этого следует, что формирование судебной доктрины происходит благодаря судебному усмотрению, направленному на выявление цели применяемой нормы исходя из принципов права и корректировки недостатков ее неверного (в том числе неконституционного) толкования. Окончательное воплощение судебная доктрина приобретает в решениях ВС РФ и КС РФ. В. Д. Зорькин также отмечает важное значение решений высших судов, которые оказывают влияние на последующие судебные решения системы общих судов и фактически способствуют формированию оптимальных моделей для будущих решений по конкрет-

ным делам³⁵. Х. И. Гаджиев в свою очередь отметил, что формирование судебной доктрины завершается не просто актом высшего суда, а актом, который поддержал подход нижестоящего суда силой собственного авторитета, выделяя его решение в качестве верного, законного и справедливого метода разрешения аналогичных дел³⁶.

Разделяя мнение Х. И. Гаджиева, заметим, что не только высшие суды являются субъектом формирования судебных доктрин. В юридической литературе указывается, что арбитражные суды округов также способствуют формированию судебной доктрины. Таким образом, нижестоящие суды общей юрисдикции и арбитражные суды участвуют в формировании судебной доктрины. При этом роль нижестоящих судов заключается как в выработке судебной доктрины, которая подтверждается высшими судами, так и в их последующем воспроизводстве в судебных постановлениях.

М. Н. Марченко пишет: «...арбитражные суды, так же как и другие суды, отнюдь не ограничиваются в своей повседневной деятельности выполнением лишь традиционной правоприменительной функции, а оказывают непосредственное и опосредованное влияние на право и правотворческий процесс»³⁷.

М. Р. Камалтдинова отмечает, что акты арбитражных судов округов, наряду с актами высших судов, играют важную роль в формировании судебной практики. Накопление и последующее обобщение судебной практики привело к возникновению судебных доктрин — «...типовых подходов, методов разрешения

³² См.: Шульга И. В. Правовая природа обзоров Верховного Суда РФ // Российский судья. 2006. № 9. С. 8.

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Кучин М. В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 30.

³⁵ См.: Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3.

³⁶ См.: Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 17.

³⁷ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособие. М., 2007. С. 389.

определенных судебных споров»³⁸. Следовательно, автор придает понятию судебной доктрины значение накопленной и обобщенной судебной практики.

Отметим, что до упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ судебные доктрины, отраженные в его решениях, также активно обсуждались специалистами³⁹.

Существование судебных доктрин как явления подтверждается и наличием научно-консультативных советов при судах (далее — НКС), обеспечивающих синтез научной теории и ее практической реализации. Так, согласно ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» предусмотрено наличие такого НКС, образованного постановлением Пленума ВС РФ от 7 августа 2014 г. № 8. Аналогичные советы действуют в арбитражных судах округов⁴⁰, областных, городских и приравненных к ним судах общей юрисдикции⁴¹.

Особую роль НКС приобрел в связи с созданием Суда по интеллектуальным правам (далее — СИП), поскольку данный Суд был учрежден с целью принятия ре-

шений на основе специальных знаний. В НКС при СИП входят практикующие судьи и судьи в отставке, специалисты из зарубежных государств, представители международных организаций, руководители и партнеры адвокатских образований, ученые по неюридическим специальностям. Согласно Положению о НКС его основной задачей является «выработка научно обоснованных разъяснений и заключений по вопросам применения международных договоров, законов и иных нормативных правовых актов для целей формирования единообразной судебной практики, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав»⁴². Следовательно, НКС обеспечивает не только реализацию правоприменительной функции СИП, но и наличие обратной связи суда с законодателем.

Материалы заседаний НКС, как правило, публикуются в открытом доступе в форме протоколов⁴³ и содержат значимые обобщения и рекомендации, которые используются в судебной практике.

Отмечая продуктивность деятельности НКС при конституционных судах республик РФ, В. Д. Зорькин выразил уверенность в необходимости создания такого совета и при КС РФ⁴⁴.

Таким образом, формирование судебных доктрин — это деятельность судебных органов, направленная на применение норм законодательства

³⁸ См.: Камалтдинова М. Р. Судебные доктрины как источник налоговых рисков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 2. С. 192.

³⁹ См., например: Смирнов Г. Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона. URL: <https://pravo.ru/review/view/66236>; Самойлов М. Доктрина права как источник аргументации судебного акта. URL: https://zakon.ru/blog/2013/7/8/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentacii_sudebnogo_akta; Судебные доктрины Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере налогового права обсудили на образовательном семинаре в Москве. URL: <http://fasvvo.arbitr.ru/node/13746>.

⁴⁰ См., например: URL: <http://fasco.arbitr.ru/files/nks/pologenie2017.pdf>.

⁴¹ См., например: URL: http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=253.

⁴² Положение о Научно-консультативном совете при Суде по интеллектуальным правам, утв. приказом председателя СИП от 20 марта 2013 г. № СП-18/7. URL: <http://ipc.arbitr.ru/about/nks>.

⁴³ См. например: Протоколы заседаний НКС при АС Центрального округа. URL: http://www.fasmo.arbitr.ru/about/nks/nks_protocols.

⁴⁴ URL: <https://spbu.ru/press-center/press-relizy/konstitucionnyy-sud-rf-i-spbgu-podpisali-soglasenie-o-sotrudnichestve>.

в соответствии с целями его принятия и согласно принципам права, обеспечивающая единообразие толкования и применения норм права, восполнение пробелов в законодательстве, осуществляемая с учетом авторитетного мнения НКС.

Для понимания принципа использования судебных доктрин приведем примеры из практики КС РФ, ВС РФ и арбитражных судов.

В КС РФ обратилось ЗАО «Банк ВТБ 24» (далее — истец) с жалобой на неконституционность положения абзаца второго ч. 3 ст. 445 ГПК РФ и ст. 397 ТК РФ. Истец считает, что норма не позволяет работодателю защитить имущественный интерес. Собственник имущества (работодатель) на основании решения суда, которое впоследствии было отменено, вынужден выплатить работнику денежную компенсацию. КС РФ отмечает, что федеральный законодатель обязан обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении⁴⁵.

В силу доктрины слабой стороны ограничение обратного взыскания с работника сумм, «выплаченных ему на основании решения суда, вступившего в законную силу, является одной из таких гарантий и преследует цель соблюдения баланса прав и интересов работодателя и работника, не имеющего, как правило, иных источников дохода, кроме заработной платы и выплат, возмещающих ее утрату, в том числе при вынужденном прогуле в случае увольнения, признанного судом незаконным»⁴⁶.

Судебная доктрина слабой стороны основана на понятии «слабой стороны», которая в правовой доктрине используется для идентификации субъектов частных правоотношений, которые фактически обладают меньшими возможностями для реализации и защиты своих прав и,

следовательно, нуждаются в предоставлении законодателем дополнительных средств правовой защиты. Так, Л. Эннекцерус к такой категории относит экономически слабые слои населения⁴⁷. Указание на имущественное положение как на индикатор слабости одной из сторон в договоре можно встретить у А. С. Гольденвейзера, И. А. Покровского, Р. О. Халфиной, М. И. Брагинского⁴⁸. А. В. Ульянов подчеркивает, что социальная уязвимость не является обязательным условием для признания субъекта слабой стороной в правоотношении. Так, лицо может считаться экономически слабым, если ему противостоит субъект, обладающий значительно большей экономической властью⁴⁹.

Использованная КС РФ судебная доктрина слабой стороны нашла отражение в апелляционном определении Оренбургского областного суда от 9 июля 2015 г. по делу № 33-4309/2015.

Администрация муниципального образования Акбулакского поссовета Акбулакского района Оренбургской области (далее — администрация) обратилась в апелляционный суд с жалобой о взыскании неосновательного обогащения. Администрация считает, что с нее в пользу ответчика необоснованно взыскана денежная сумма в размере среднего заработка работника за время вынужденного прогула. Администрация отмечает, что нижестоящим судом при определении подлежащей взыска-

⁴⁷ См.: Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. М., 1950. С. 53, 64.

⁴⁸ См.: Гольденвейзер Л. С. Мнимая защита слабых в проекте гражданского уложения. Киев, 1901. С. 170; Гражданское право России. Курс лекций. Часть первая / под ред. О. Н. Садикова. М., 1996. С. 290; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 1999. С. 246.

⁴⁹ См.: Ульянов А. В. Юридическое обоснование защиты слабой стороны в договоре // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 115.

⁴⁵ См. постановления КС РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П, от 25 мая 2010 г. № 11-П.

⁴⁶ Определение КС РФ от 16 декабря 2010 г. № 1650-О-О.

нию суммы среднего заработка не была учтена компенсационная выплата, произведенная в связи с увольнением, компенсационная выплата ответчиком удерживается незаконно. Вынося решение, апелляционный Оренбургский областной суд сослался на доктрину слабой стороны в решении КС РФ от 16 декабря 2010 г. № 1650-О-О. Отказывая истцу в удовлетворении жалобы, суд отметил следующее. Закрепление процессуальных гарантий защиты прав работника направлено на обеспечение реализации конституционного права работников на судебную защиту, что также согласуется с доктриной слабой стороны и нормами трудового законодательства.

В практике ВС РФ доктрина наполнения норм новым смыслом является весомым инструментом преодоления законодательных ошибок и повышения эффективности законодательных норм. В своих решениях ВС РФ не только дает толкование по сложным вопросам применения норм, но и содержит принципиальные положения, которые наполняют норму содержанием. Так, постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 об ответственности за нарушение обязательств выявило основные тенденции правоприменения, дало рекомендации по дальнейшему совершенствованию действующего законодательства о защите прав потребителей. Так, ВС РФ наполняет новым содержанием ст. 406¹ ГК РФ, посвященную возмещению потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств. В пункте 1 ст. 406¹ ГК РФ законодатель указал, что сторонами договора могут быть лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. В силу этого условие о возмещении потерь не может быть согласовано, если хотя бы одной из сторон договора является гражданин — не индивидуальный предприниматель. Верховный Суд РФ в постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 указал: «На

некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность» (абз. 3 п. 21). Из этого следует, что условие о возмещении потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств, может быть включено в договор с участием некоммерческой организации, если он заключается в рамках реализации приносящей доход деятельности.

Также в соответствии с п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «права и обязанности по возмещению потерь, основанные на заключенном такими сторонами соглашении, переходят к лицу, не осуществляющему предпринимательскую деятельность, как при универсальном, так и при сингулярном правопреемстве, если иное не установлено законом или договором (ст. 387, 388, 391, 392³ ГК РФ)». Значит, есть указание на возможность сингулярного правопреемства. Об этом пишет и А. Г. Карапетов: «Из этого, в частности, следует, что право требовать возмещения потерь может быть уступлено третьему лицу (так же, как и требование возместить убытки или уплатить неустойку). Причем оно может быть уступлено как вместе с основными правами из договора, так и изолированно»⁵⁰. ВС РФ также отмечает, что на нового должника может быть переведен долг по уплате понесенных потерь по правилам о переводе долга.

Таким образом, основываясь на доктрине наполнения нормы новым смыслом, ВС РФ распространил условие о возмещении потерь на лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью, а также

⁵⁰ Карапетов А. Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406¹ ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5.

указал, что это право может быть уступлено третьему лицу.

В практике арбитражного суда при помощи судебных доктрин возможно установить, является ли сделка законной или она в принципе направлена на преодоление закона и приобретение финансовой выгоды, злоупотребляя своим правом. Злоупотребление правом — особый вид правового поведения, который заключается в использовании гражданами своих прав недозволенными способами, противоречащими назначению права, в результате чего наносится ущерб (вред) обществу, государству, отдельной личности. Запрет злоупотребления правом предусмотрен ст. 10 ГК РФ, в налоговом праве такой запрет не предусмотрен. В связи с этим возникает логичный вопрос: возможно ли перенести этот запрет из гражданско-правовых отношений в налоговые? В отечественной практике общие нормы против злоупотребления были выработаны арбитражным судом в постановлении Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53. Постановление не раскрывает понятие «злоупотребление правом», однако оно вводит понятие «налоговая выгода». Согласно позиции ВАС РФ в налоговых спорах судами должен исследоваться вопрос обоснованности налоговых выгод, полученных налогоплательщиками.

Необходимо также обратить внимание и на тот факт, что в качестве

правового последствия признания налоговой выгоды необоснованной в указанном постановлении № 53 арбитражным судам рекомендовано отказывать в удовлетворении требований налогоплательщиков, что соответствует предусмотренному ГК РФ отказу в защите права в случае признания действий лица злоупотреблением правом.

Исходя из взаимосвязи понятий, применяемых доктриной оценки обоснованности налоговой выгоды, и понятий ГК РФ, следует, что ВАС РФ, основываясь на общих нормах ГК РФ, перенес их в доктрину злоупотребления правом и заполнил правовой вакуум в налоговом праве.

Вывод. В условиях развивающейся роли судебной практики в Российской Федерации изучение судебных доктрин является особенно актуальным. Единичный судебный акт не дает полного представления о решении правовых проблем. К тому же это решение не появляется и в результате совокупности однотипных судебных актов. Задача правоприменителя сводится не только к разрешению вопроса по существу, но и к формированию последовательного умозаключения и развитию законодательных положений. Судебная доктрина позволяет обобщать и стабилизировать судебную практику, а также восполнять имеющиеся пробелы в законодательстве.

Библиографический список

- Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford; N. Y., 1979.
- Анишина В. И., Гук П. А. Правовые основы судебной власти в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2015.
- Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998.
- Батурина С. В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
- Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие как инструмент правовой модернизации на постсоветском пространстве: проблемы теории и практики. Рецензия-размышление по поводу книги: Селиванов А. А. Конституционные проблемы в современной теории права: доктрина стабильности и охраны Конституции Украины в контексте ее модернизации и эффективного конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1.
- Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12.

Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 1999.

Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Верецагин А. Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004.

Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6.

Гольденвейзер Л. С. Мнимая защита слабых в проекте гражданского уложения. Киев, 1901.

Гражданское право России. Курс лекций. Часть первая / под ред. О. Н. Садикова. М., 1996.

Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Будущее прецедентного права России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 4.

Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

Гук П. А. Судебный прецедент как источник права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

Залоило М. В., Власенко Н. А., Шуберт Т. Э. Понятие, формы и содержание судебной практики // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017.

Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12.

Кажлаев С. А. Способы универсализации правовых позиций Конституционным Судом РФ // Государство и право. 2008. № 1.

Камалтдинова М. Р. Судебные доктрины как источник налоговых рисков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 2.

Карапетов А. Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406¹ ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5.

Ковалева Л. А. Место доктрины в системе источников права // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4).

Кучин М. В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3.

Лазарев В. В. Судебная практика: прогнозное видение (вместо заключения) // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017.

Лазарев В. В., Фурсов Д. А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // Журнал российского права. 2014. № 11.

Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003.

Малюшин А. А. Изменение роли судебной практики в условиях правовой глобализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1.

Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособие. М., 2007.

Митюков М. А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. 2001. № 6.

Оксамытный В. В. Становление новой правовой системы // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017.

Поляков С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. 2015. № 3.

Самойлов М. Доктрина права как источник аргументации судебного акта. URL: https://zakon.ru/blog/2013/7/8/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentacii_sudebnogo_akta.

Смирнов Г. Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона. URL: <https://pravo.ru/review/view/66236>.

Судебные доктрины Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере налогового права обсудили на образовательном семинаре в Москве. URL: <http://fasvo.arbitr.ru/node/13746>.

Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2.

Ульянов А. В. Юридическое обоснование защиты слабой стороны в договоре // Журнал российского права. 2013. № 8.

Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998.

Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник (форма) права // Евразийская адвокатура. 2016. № 5(24).

Чашин А. Н. Судебная доктрина как источник административного права России // Административное право и процесс. 2017. № 8.

Шульга И. В. Правовая природа обзоров Верховного Суда РФ // Российский судья. 2006. № 9.

Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. М., 1950.

References

Anishina V. I., Guk P. A. Legal basis of the judiciary in the Russian Federation. Moscow, 2015. (In Russ.)

Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow, 1998. (In Russ.)

Baturina S. V. Traditions of the Russian legal doctrine. Cand. diss. Krasnodar, 2008. (In Russ.)

Bondar' N. S., Dzhagaryan A. A. Constitutional justice as an instrument of legal modernization in the Post-Soviet space: problems of theory and practice. Retsenziya-razmyshlenie po povodu knigi: Selivanov A. A. Konstitutsionnye problemy v sovremennoy teorii prava: doktrina stabil'nosti i okhrany Konstitutsii Ukrainy v kontekste ee modernizatsii i effektivnogo konstitutsionnogo pravosudiya. Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya, 2013, no. 1. (In Russ.)

Boshno S. V. Doctrine as a form and a source of law. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2003, no. 12, pp. 70—79. (In Russ.)

Boshno S. V. Precedent, law and doctrine (experience of sociological and legal research). Gosudarstvo i pravo, 2007, no. 4. (In Russ.)

Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya. Moscow, 1999.

Chashin A. N. Judicial doctrine as a source (form) of law. Evraziyskaya advokatura, 2016, no. 5 (24). (In Russ.)

Chashin A. N. Sudebnaya doktrina kak istochnik administrativnogo prava Rossii. Administrativnoe pravo i protsess, 2017, no. 8.

Ennektserus L. Kurs germanskogo grazhdanskogo prava: Vvedenie i obshchaya chast'. Moscow, 1950.

Gol'denveyzer L. S. Mnimaya zashchita slabyykh v proekte grazhdanskogo ulozheniya. Kiev, 1901.

Grazhdanskoe pravo Rossii. Kurs lektsiy. Chast' pervaya. Ed. by O. N. Sadikov. Moscow, 1996.

Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Future case law of Russia. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki, 2016, no. 4. (In Russ.)

Guk P. A. Judicial practice as a form of judicial rule-making in the legal system of Russia: a general theoretical analysis. Dr. diss. thesis. Moscow, 2012. (In Russ.)

Guk P. A. Sudebnyy pretsedent kak istochnik prava. Cand. diss. Saratov, 2002. (In Russ.)

Hajiyeve Kh. I. Judicial Doctrines and Efficiency of Law Enforcement. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2019, no. 6, pp. 14—27. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.6.2

Kamaltdinova M. R. Judicial doctrines as a source of tax risks. Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad, 2010, no. 2. (In Russ.)

Karapetov A. G. Condition for compensation of losses: commentary to article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 5. (In Russ.)

Kazhlaev S. A. Sposoby universalizatsii pravovykh pozitsiy Konstitutsionnym Sudom RF. *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 1.

Khabrieva T. Y. Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika. Moscow, 1998.

Kovaleva L. A. Mesto doktriny v sisteme istochnikov prava. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, no. 3 (4), pp. 82—83.

Kuchin M. V. Sudebnoe tolkovanie ili sudebnoe normotvorchestvo? *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu"*, 2017, no. 3.

Lazarev L. V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. Moscow, 2003. (In Russ.)

Lazarev V. V. Judicial practice: a forecast vision (instead of a conclusion). *Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii*. Ed. By T. Y. Khabrieva, V. V. Lazarev. Moscow, 2017. (In Russ.)

Lazarev V. V., Fursov D. A. Justification of the Idea of Implementation of Judicial Decisions in Legislative Acts. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 11, pp. 5—21. (In Russ.) DOI: 10.12737/6003

Mal'yushin A. A. Changing the role of judicial practice in the context of legal globalization. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2017, no. 1. (In Russ.)

Marchenko M. N. Judicial lawmaking and judicial law. Moscow, 2007. (In Russ.)

Mityukov M. A. Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and of constitutional (charter) courts in the subjects of the Russian Federation: general features and analytical statistics. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2001, no. 6, pp. 15—24. (In Russ.)

Oksamytnyy V. V. Stanovlenie novoy pravovoy sistemy. *Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii*. Ed. by T. Y. Khabrieva, V. V. Lazarev. Moscow, 2017.

Polyakov S. B. Sudebnyy pretsedent v Rossii: forma prava ili proizvola? *Lex Russica*. 2015, no. 3.

Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford; New York, 1979.

Samoylov M. Doktrina prava kak istochnik argumentatsii sudebnogo akta. Available at: https://zakon.ru/blog/2013/7/8/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentatsii_sudebnogo_akta.

Shul'ga I. V. Pravovaya priroda obzorov Verkhovnogo Suda RF. *Rossiyskiy sud'ya*, 2006, no. 9.

Smirnov G. Ispol'zovanie sudebnykh doktrin VAS pri primenenii ugolovnogo zakona. Available at: <https://pravo.ru/review/view/66236>.

Sudebnye doktriny Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v sfere nalogovogo prava obsudili na obrazovatel'nom seminare v Moskve. Available at: <http://fasvvo.arbitr.ru/node/13746>.

Taribo E. V. Judicial constitutional doctrine of “optional tax breaks”: limits of application. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2003, no. 2. (In Russ.)

Ul'yanov A. V. Legal Grounds for Protection of the Weaker Party in Contract. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 8, pp. 114—118. (In Russ.)

Vasil'ev A. A. Legal doctrine as a source of law: a historically theoretical question. Cand. diss. Moscow, 2007. (In Russ.)

Vereshchagin A. N. Judicial lawmaking in Russia: comparative legal aspects. Moscow, 2004. (In Russ.)

Zaloilo M. V., Vlasenko N. A., Shubert T. E. Ponyatie, formy i sodержanie sudebnoy praktiki. *Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii*. Ed. By T. Y. Khabrieva, V. V. Lazarev. Moscow, 2017.

Zor'kin V. D. Precedent nature of the Constitutional Court of the Russian Federation decisions. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2004, no. 12, pp. 3—9. (In Russ.)

Zozulya A. A. Doctrine in modern law. Cand. diss. thesis. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)